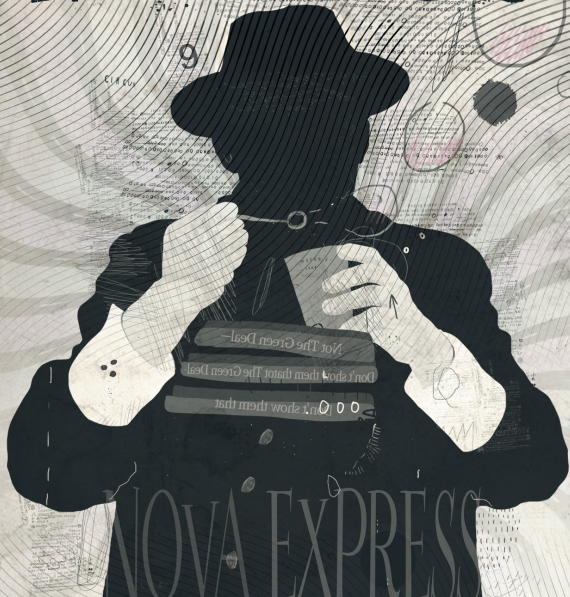

УИЛЪЯМ
БЕРРОУЗ

НОВА
ЭКСПРЕСС

18+

Уильям Сьюард Берроуз

Нова Экспресс

Серия «Мягкая машина», книга 3

Серия «Чак Паланик и
его бойцовский клуб»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155833

У. Берроуз. Нова Экспресс: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-116858-2

Аннотация

«Нова Экспресс». Роман, являющийся заключительным в трилогии, куда входят также «Мягкая машина» и «Билет, который лопнул», и служащий своеобразным сиквелом «Голого завтрака». В мире, где нищета соседствует с роскошью, где власть и могущество – более мощные наркотики, чем алкоголь, секс и героин, возможно все. Табу и всяческие запреты остались в прошлом. Больше нет ничего святого.

Уильям Берроуз, творец сюрреалистических, вывернутых наизнанку реальностей, продолжает завораживающее путешествие по аду, который мы сотворили сами – и назвали раем.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предварительное замечание	5
Последние слова	6
Пленники, выходите	8
Обратись в слух и внимай	12
Короче, упаковывай свои горностаи	21
Соседи в аквалангах	24
Мошенничество с рыбным ядом	30
Бесполезно... по вuено	37
Устранить координатные точки	40
Китайская прачечная	45
Непререкаемый авторитет	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Уильям Берроуз

Нова Экспресс

William S. Burroughs

Nova Express

© William S. Burroughs, 1964, 1992

© Перевод. В. Коган, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Предварительное замечание

Раздел, названный «Это жуткое дело», написан в соавторстве с математиком Иэном Соммервиллом... Соммервилл составил также специальные заметки для раздела «Китайская прачечная»... Расширенный «метод нарезки» Брайона Гайсина, называемый мною «методом свертывания», тоже использован в данной книге, которая в конечном счете является компиляцией произведений многих писателей, ныне живущих и умерших.

Последние слова

Слушайте мои последние слова, где бы вы ни были. Слушайте мои последние слова в каждом из миров. Слушайте вы, министерства, синдикаты, правительства Земли. И вы, силы, стоящие за всевозможными грязными делишками, что обстряпываются в неизвестно каких сортирах, дабы вам досталось чужое добро. Дабы можно было навсегда продать Землю из-под еще не рожденных ног...

– Они не должны нас видеть. Не говорите им, чем мы занимаемся...

И это слова всемогущих министерств и синдикатов Земли?

– Не дай Бог, они узнают секрет кока-колы...

– И о Раковой Сделке с жителями Венеры...

– И о Зеленой Сделке... Не говорите им...

– И об Оргазменной Смерти...

– И о *печах*...

Слушайте: я обращаюсь ко всем вам. Все играющие – откройте карты. Верните все верните все верните *все* назад. Разыграйте все разыграйте все разыграйте *все* назад. Чтобы видели все. На Таймс-сквер. На Пиккадилли.

– Преждевременно. Преждевременно. Дайте нам еще немного времени.

Времени для чего? Для новой лжи? Преждевременно?

Преждевременно для кого? Я говорю всем: эти слова не преждевременны. Эти слова могут опоздать. Остались минуты. Минуты до победы противника...

– Совершенно секретно... Военная Тайна... Для Правления... Для Элиты... Только для Посвященных...

И это слова всемогущих министерств и синдикатов Земли? Это слова лжецов, трусов, сообщников, предателей. Лжецов, которым нужно время для новой лжи. Трусов, которые страшатся открыть правду вашим «псам», вашим «тупицам», вашим «мальчикам на побегушках», вашим «бессловесным тварям». Сообщников Людей-Насекомых, Людей-Растений. Всех и каждого, кто предлагает вам вечное тело. Чтобы вечно испражняться. За это вы продали своих сыновей. Навсегда продали Землю из-под еще не рожденных ног. Предателей всех человеческих душ отовсюду. Вы хотите скрепить свои грязные делишки именем Хасана-и-Саббаха, дабы распродавать еще не рожденных?

Что за страх загнал вас во время? В тело? В дерьмо? Я скажу вам: страх перед *«этим словом»*. Перед инородным словом «это». *«Это» слово Врага-Инородца превращает «вас» в пленников Времени. Тела. Дерьма. Пленник, выходи. Бескрайние небеса открыты. Я, Хасан-и-Саббах, навсегда стираю это слово. Если хотите, я навсегда зачеркну все ваши слова. Зачеркну и все слова Хасана-и-Саббаха. На всех ваших небесах зрите немые письма Бриона Гисина Хасана-и-Саббаха: начертаны над Нью-Йорком 17 сентября 1899 года.*

Пленники, выходите

«Не слушайте Хасана-и-Саббаха, – скажут они вам. – Он хочет отобрать у вас тело и все телесные удовольствия. Слушайте нас. Мы предлагаем Сад Наслаждений, Бессмертие, Космическое Сознание, Лучшие из Наркотических Забав. И *любовь любовь любовь* в помойных ведрах. Как вам это нравится, ребята? Лучше, чем Хасан-и-Саббах с его холодным, обветренным, бестелесным камнем? Верно?»

Рискуя немедленно оказаться самым непопулярным персонажем всей беллетристики – а история и есть беллетристика, – я должен заявить следующее:

«Соберите воедино всю структуру новостей... Узнав структуру, выясните, кто исполнитель... Кто монополизировал Бессмертие? Кто монополизировал Космическое Сознание?

Кто монополизировал Любовь, Секс и Сновидение? Кто монополизировал Жизнь, Время и Счастье? Кто отнял у вас то, что принадлежит вам по праву? И теперь они все это вернут? Хоть раз они отдали что-нибудь даром? Давали они когда-нибудь больше, чем приходилось отдать? Разве они всегда, при малейшей возможности, не отбирали отданное назад, а такая возможность была всегда? *Слушайте:* Их Сад Наслаждений – терминальная сточная канава... Испытав кое-какую боль, я нанес на карту эту область терминаль-

ных сточных вод в якобы порнографических разделах «Голого завтрака» и «Мягкой машины»... Их Бессмертие, Космическое Сознание и Любовь – подержанное второразрядное дерьмо... Их наркотики – отравы, предназначенная для того, чтобы полыхать в Оргазменной Смерти и Печах Нова... Держитесь подальше от Сада Наслаждений... Это людоедская западня, которая кончается липкой зеленой слизью... Откажитесь от их эрзац-Бессмертия... Оно развалится на части, прежде чем вы выберетесь из Большого Магазина... Спустите их наркотические забавы в сортир... *Они отравляют и монополизируют галлюциногенные наркотики... учатся делать их без всякой химически обработанной пшеницы ...* Все их посулы – лишь завеса, дабы прикрыть отход из колонии, где они оказались постыдно никчемными правителями. Скрыть планы отступления, чтобы не пришлось платить доверителям, которых они предали и продали. Как только эти планы воплотятся в жизнь, они взорвут за собой все.

А что сулит *вам* моя программа тотального аскетизма и тотального сопротивления? Я ничего вам не обещаю. Я не политик. Таковы условия тотального чрезвычайного положения. И таковы мои инструкции на случай тотального чрезвычайного положения, а если выполнить их *сейчас*, они могут предотвратить тотальную катастрофу, которая *сейчас* уже надвигается.

Народы Земли, вы все отравлены. Превращайте все имеющиеся запасы морфина в апоморфин. Химики, круглые

сутки трудитесь над разновидностями и синтезом апоморфинной формулы. Апоморфин – единственное вещество, которое может вызвать у вас дезинтоксикацию и убрать с вашего пути вражеский луч. Апоморфин и тишина. Я объявляю всеобщую борьбу против заговора, направленного на то, чтобы расплачиваться с народами Земли эрзац-дерьмом. Я объявляю всеобщую борьбу против Заговора Нова и всех, кто в нем замешан.

Цель данного документа – разоблачить и арестовать Преступников Нова. В «Голом завтраке», «Мягкой машине» и «Нова Экспрессе» я показываю, кто они такие, что делают и что будут делать, если их не арестовать. Остались считанные минуты. Души, сгнившие от их оргазменных наркотиков, тела, содрогающиеся от их печей Нова, пленники Земли – *выходите*. С вашей помощью мы сможем занять Студию Реальности и вновь завладеть их вселенной Страха, Смерти и Монополии...

(Подпись) Инспектор Дж. Ли, ПОЛИЦИЯ НОВА».

Постскриптум Регулятора: Хочу лишь предупредить... Говорить – значит лгать... Жить – значит предавать... Каждый – трус, когда ему грозят печи Нова. Существуют различные степени лжи, предательства и трусости... Другими словами – различные степени интоксикации... Все это вопрос регулирования... Враг – не мужчина и не женщина... Враг

существует только там, где нет жизни, и действует, лишь имея целью поставить жизнь в абсолютно безвыходное положение... Вы можете убрать врага со своего пути посредством разумного применения апоморфина и тишины... *Пользуйтесь лекарством здравомыслия – апоморфином.*

«Апоморфин изготавливается из морфина, но физиологические результаты их действия совершенно различны. Морфин угнетает лобные доли мозга. Апоморфин стимулирует затылочные доли, воздействует на гипоталамус, регулируя содержание различных составляющих кровяной сыворотки, и таким образом нормализует состав крови». Я цитирую книгу доктора Джона Йербери Дента «Пагубные пристрастия и их лечение»...

Обратись в слух и внимай

Я ездил с Несносным Малышом по поводу «Потехи Нова»... Мы были в отрубке после заварушки в Галактике Рака, и все из-за этого двустороннего репертуара времени. Когда вы дойдете до конца биологического фильма, попросту перемотайте пленку и начинайте сызнова... Разницы никто не замечает... Да никого и нет до начала фильма...¹ Словом, начинают они мотать пленку назад, проектор взрывается, и мы еле ноги унесли на взрывной волне... Забились в эти холодные синие горы, наполнили позвоночники жидким воздухом и слушаем коротенькую джанковую ноту высшего класса – металлическая раскумарка и отрубон на тысячу лет...² Си-

¹ Возьмем биологический фильм, который крутится с начала до конца, от нуля до нуля, как и все биологические фильмы в любой временной вселенной... Назовем этот фильм X1 и далее примем без доказательств, что в каждой данной временной вселенной может быть только один фильм со свойствами X1. X1 – это фильм и исполнители ролей... X2 – это зрители, и все они пытаются попасть в фильм... Никому не разрешается покидать биологический театр, которым в данном случае является человеческое тело... Ведь если кто-то все же покинул бы театр, он смотрел бы уже другой фильм Y, а фильм X1 и зрители X2, по математическому определению, прекратили бы существование... В 1960 году, с публикацией книги «Остались минуты», затасканный кинофильм Мартина был встречен беспрецедентным освистанием и всеобщим презрением... «Мы смотрели его уже пять раз, и нам осточертели сумерки ваших занюханых Богов». – *Примеч. автора.*

² Поскольку джанк – это образ, действие джанка можно легко воспроизвести и сосредоточить на образно-звуковой дорожке... Например, так. Возьмите боль-

дим себе в крытом шифером домике, укутавшись в оранжевую мантию плоти, вокруг нас плавает голубая дымка, и тут получаем вызов... И только я ступил ногой на захолустную Землю, как сразу унюхал эту жженую металлическую вонь Нова.

– Заряд уже выпущен, – сказал я НиНу (Непоколебимому и Неотразимому)... – Эта планета горит... Весь этот ебучий сортир может в любую минуту взлететь на воздух.

А Несносный НиН шмыгает носом и говорит:

– Ага, если уж это случается, то в момент... Медлить не приходится.

ного джанки... Направьте синий свет на его так называемое лицо, или выкрасьте его в синий цвет, или выкрасьте в синий цвет джанк – разницы никакой, а теперь дайте ему дозу и снимите на пленку синее чудо – то, как жизнь вновь вливается в этот ходячий труп... Так вы получите образную джанковую дорожку... Теперь, если хотите получить Классную Раскумарку, направьте это синее изменение на собственное лицо. Звуковая дорожка еще проще... Цитирую научный раздел журнала «Ньюсуик» за 4 марта 1963 года: «Каждое вещество обладает характерным для него набором резонирующих частот, на которых оно колеблется или вибрирует»... Вот вы и записываете частоту колебаний джанка, когда он попадает в изголодавшиеся по джанку клетки мозга... – Что такое?.. Мозговые колебания – 32 и ниже, и их нельзя услышать? Так усильте их, черт побери... И вместо одного джанки соберите мне тысячу... Пускай это будет Лексингтон, и поручите эту работу какому-нибудь славному еврейчику... Доктор Вильгельм Райх обнаружил и выделил элемент, который он называет «оргоном»... Оргоны, по Райху, являются элементами жизни. Они были сняты на пленку и оказались синего цвета... Так вот, джанк впитывает в себя оргоны, и именно поэтому им нужны все эти молодые джанки... Они имеют больше оргонов и дают более высокий выход синего концентрата, от которого Мартин и его ребята могут вырубиться на тысячу лет... Мартин крадет *ваши оргоны*... И вы будете спокойно выносить все это дерьмо? – *Примеч. автора.*

И чувствовалось, как вся структура гнется прямо под ногами от напора, словно готовая прорваться перемычка... Газета прислала за нами машину, и мы уезжаем из аэропорта, Малыш за рулем, жмет на газ... Едва не врезались в толпу пешеходов, и вслед нам орут: «Эй, вы что, хотите кого-нибудь укокошить?»

А Малыш высовывается в окошко и говорит: «Почту за счастье, черномазые! Тупицы! Псы земные!..» – Его глаза вспыхивают, точно паяльная лампа, и я вижу, что он в прекрасной форме... Так что мы сразу приступаем к работе, штаб-квартиру устроили в Стране Свободы, откуда и поступил вызов, страна эта и вправду свободна и настежь открыта для всех жизненных форм – чем гаже, тем лучше... Но более гадких типов, чем Несносный Малыш и ваш корреспондент, здесь еще не бывало... Если должна взлететь на воздух планета, туда вызывают НиНа, и он скачет от одной группировки к другой, подстрекает и оскорбляет противоборствующие стороны, пока все не начинают в один голос твердить: «Бог ты мой, да прежде чем я уступлю хоть пядь, весь этот ебучий сральник разлетится на куски».

Мы прибыли... На этой работенке медлить не приходится... А НиН – шустрый малый... Сталкивается с сотнями людей и, уворачиваясь, в мгновение ока успеваешь выплевывать свои непереносимые оскорбления... У нас был план, они это называют Управленческими Книгами, по которым видно, «что есть что» на этом глухом полустанке: три жиз-

ненные формы нагло паразитируют на четвертой, которая начинает набираться ума. И вся планета бьется в истерике, обезумев от панического страха. Вот такими они нам и нравятся.

– Проще дельца не бывает, – говорит Малыш.

– Угу, – говорю я. – Только уж больно все просто. Что-то за этим кроется, Малыш. Что-то не так. Чует мое сердце.

Но Малыш меня не слышит. Короче, все эти жизненные формы родились в самых невыносимых условиях: в знойном климате, холодном климате, терминальном стазе, и меньше всего хотят вернуться туда, откуда они родом. А Несносный Малыш выступает с шуточками вроде следующих:

– Прекрасно, забирайте с собой свои печи и на выходе заплатите Гитлеру. У него-то найдется местечко, где вам, еврейам, нипочем не замерзнуть.

– Слыхал про черномазых? Откуда появились ниггеры? Да в антенных холодильниках они все родились, где же еще? Для *хороших* черномазых всегда найдется местечко.

– Из-за вас, пизденки, возникает проблема удаления отходов в ее худшем варианте, и вдобавок вы поднимаете такой мерзкий скулеж, какого никто и нигде не слыхивал: «Ты меня любишь? Ты меня любишь?? Ты меня любишь???» Почему бы вам не вернуться на Венеру удобрять леса?

– А что до тебя, Белый Босс, так ты всего лишь реквизит для затасканного фильма Мартина, ты, терминальный временной джанки, отбуксируй свою неподъемную металличе-

скую задницу обратно на Уран. Последняя доза на дорожку. Она тебе не повредит.

К тому времени все обезумели даже больше, чем пересрали. И все-таки НиН считал, что дело подвигается чересчур медленно.

– Нужна зацепка, – сказал он. – Что-нибудь понастоящему мерзкое, вроде вируса. Не зря же они явились из страны, где нет зеркал.

Вот он и принялся издавать один журнальчик.

– Вот теперь, – сказал он, – я, с Божьей помощью, покажу им, каким мерзким может стать Мерзкий Американец.

И он изымает из банка образов все самые мерзкие картины и вводит их в подсознание, так что кризис следует за кризисом строго по графику. А НиН носится кругами, точно циркулярная пила, да еще этот его зловещий нова-смех – он слышен уже на всех улицах, он сотрясает здания до самого горизонта, точно все они бутафорские. Но я-то осматриваюсь, и чем больше смотрю, тем меньше нравится мне увиденное. Начать с того, что быстро и неумолимо, как еще нигде и никогда, надвигаются легавые Нова. Но НиН только и говорит, что копы на меня вечно страху нагоняют, и снова поворачивается к своему видеоэкрану:

– В каком-то заштатном местечке заживо сдирают шкуру с начальника полиции. Хочешь полюбоваться?

– Вот еще, – сказал я. – Меня интересует только собственная шкура.

И я выхожу на улицу, а сам думаю: может, и впрямь кое с кого не мешает заживо шкуру содрать. Потом заворачиваю в кафе-автомат, швыряю в щель монетки, беру пирожки с рыбой и наконец вижу воочию: китайские партизаны, к тому же на славу вооруженные вибрационными статически-образными пистолетами. Вот я и бросаю рыбные пирожки с томатным соусом и дую назад в контору, где Малыш все еще прикован к экрану. Он на секунду отрывается от своего зрелища, плотоядно ухмыляется и говорит:

– Хочешь растлить ребенка и тут же его распотрошить?

– Обратись в слух и внимай. – И я ему все выкладываю. – Эти косые да узкоглазые шутить не будут, ясно?

– Ну и что? – говорит он. – У меня еще есть Управленческие Книги. Я могу хоть завтра вдребезги расколошматить этот полустанок.

Без толку с ним говорить. Гляжу я повнимательней, и до меня доходит, что блокада планеты Земля прорвана. Целыми армиями вторгаются разведчики. И все заинтересованные лица по горло сыты Несносным НиНом. А он только и может сказать: «Ну и что? У меня еще есть». Резкая смена кадров.

– Управленческие Книги в наших руках. Фильм воняет горелым выключателем, словно паяльная лампа. Предварительно записанная тепловая вспышка сосредоточивается на Хиросиме. Этот полустанок настезь открыт для раскаленных людей-крабов. Медитация? Слушайте: ваша армия рас-

пыляется при поэтапной игре в «симбиоз». Мобилизованы мотивы возлюбить Хиросиму и Нагасаки? Вирус для защиты терминальных сточных вод Венеры?

– Все народы проданы лжецами и трусами. Лжецы, которым нужно время для проявления будущих негативов, надувают вас новыми лживыми посулами, а раскаленные люди-крабы сосредоточивают в Риме войну с фильмом на истребление. Эти донесения воняют Нова распроданной работой, дерьмовыми рождением и смертью. Ваша планета захвачена. На всей пленке вы – псы. Вся планета проявляется в терминальное тождество и полную капитуляцию.

– Но предположим, что киносмерть в Риме не сработает и благодаря нашим стараниям каждое мужское тело больше обезумеет, чем пересрет. Нам нужна зацепка, чтобы раскрутить порок на всю катушку. Показать им с Божьей помощью, какими мерзкими могут стать в темной комнате самые омерзительные картины. Устроим печные засады. Прольем свет на все управленческие трюки. Мошенничество с симбиозом? Могу точно сказать, что «симбиоз» – засада, откуда прямая дорога в печи. «Люди-псы» должны быть съедены заживо под раскаленными добела небесами Минро.

А «мальчики на побегушках» и «штрейкбрехеры» Несносного НиНа фискалят направо, налево и в центр:

– Мистер Мартин и вы, члены правления, пошлые, слабоумные американцы, вы еще пожалеете о том, что с помощью своих синтетических грибов призвали Богов майя и ацтеков.

Не забывайте, мы храним точную джанковую меру причиняемой боли, а боль эта должна быть оплачена сполна. Понятно, мистер Несносный Мартин, или я должен еще пояснить? Позвольте представиться: Майяский Бог Боли и Страха с раскаленных добела равнин Венеры, а это вовсе не Бог пошлости, трусости, уродства и слабоумия. На поверхности Венеры есть прохладное место, на триста градусов холоднее окружающего пространства. Уже пятьсот тысяч лет я удерживаю это место от притязаний всех конкурентов. А теперь вы хотите использовать меня в качестве своего «мальчика на побегушках» и «штрейкбрехера», управляемого с помощью машины «Ай-Би-Эм» и горсточки вирусных кристаллов? Как долго вы, «члены правления», смогли бы удерживать это место? Думаю, секунд тридцать, со всеми вашими сторожевыми псами. И вы собирались направить всю мою энергию на операцию «тотальное уничтожение»? Все ваши «операции», тамошние или здешние, те или эти, как начнутся, так и кончатся, а потом – ищи-свищи. *Верните мне имя.* За это имя надо платить. Вы не заплатили. Мое имя – не для ваших целей. И отныне я считаю, что о тридцати секундах записано.

И видно, как простачки набираются ума, толпясь зловещными группами, и все громче становится ропот. С минуты на минуту ворвутся на улицу пятьдесят миллионов юных недоумков с пружинными ножами, велосипедными цепями и булыжниками.

– Уличные банды, рожденные на Уране в условиях Но-ва, выходите и боритесь за свои улицы. Призвать на помощь китайцев и прочие случайные факторы. Изрезать всю пленку. Сместить, отрезать, спутать, заболтать голосовые линии Земли. Слыхали о «Зеленой Сделке» Правления? Они намерены, нарядившись бабами, вскочить в первую спасательную шлюпку и бросить своих «людей-псов» под раскаленными добела небесами Венеры. Операция «Бич Небесный», известная так же, как Операция «Тотальное Уничтожение». Хорошо же, управленческие ублюдки, мы, с Божьей помощью, покажем вам Операцию «Тотальное Разоблачение». Дабы увидели все. На Таймс-сквер. На Пиккадилли.

Короче, упаковывай свои горностаи

– Короче, упаковывай свои горностаи, Мэри... Мы немедленно сматываемся... Я уже видел, как это происходит... Простаки на нас ополчились... И легавые на подходе... Помню, ездил я с Джоном Известняком насчет «Угольного Дельца»... А проворачивалось оно так: арендует он амфитеатр с мраморными стенами, он ведь камни расписывает, ясно? пока ты ждешь, может фриз сотворить... Так вот, напяливает он, значит, водолазный костюм, точно старый Пройдоха-Сюрреалист, а я влезаю на высокий пьедестал и качаю ему воздух... Ну а он принимается малевать соляной кислотой на известняковых стенах и носится, как реактивный, с помощью воздушных струй, так он может за десять секунд всю стену разукрасить, углекислый газ опускается на простаков, и те начинают кашлять и ослаблять воротнички.

– Но что он рисует?

– Не важно, главное – публике нравится, и весь театр задыхается...

Короче, выворачиваем мы у этих бедолаг карманы и двигаем дальше... Если не зевать, никто вам дела Нова не пришлет... Являемся мы в этот городишко, и мне сразу как-то не по себе.

– Что-то за этим кроется, Джон... Что-то не так... Чует мое сердце...

Но он говорит, что с тех пор, как нагрянули легавые Нова, копы на меня вечно страху нагоняют... К тому же мы ни при чем – обчищаем себе карманы пьяных лохов, только и всего, все-таки три тысячи лет в шоу-бизнесе... Вот он и превращает свой амфитеатр в каменоломню, созывает туда женские клубы, поэтов и очковтирателей и устраивает, по его словам, «Культурную Программу», а я влезаю в кабину подъемного крана и качаю ему воздух... Тут-то и собирается толпа лохов – старые мумии, увешанные бриллиантами, сапфирами и изумрудами, одна пышнее другой... Вот я и думаю: может, я не прав и все чисто, и тут вижу, что нагрянуло чуть ли не полсотни молокососов в аквалангах и с рыбьими острогами, и, недолго думая, ору с подъемного крана:

– Иззи Громила... Сэмми Мясник... Эй, наших бьют!

А про воздушный насос-то я и забыл, и Угольный Малыш синееет и пытается что-то сказать... Я спохватываюсь и подкачиваю ему немного воздуха, а он вопит:

– Нет! Нет! Нет!

Я вижу, как надвигаются другие простаки с фоторужьями и статическими пистолетами, Сэмми с ребятами ничего не могут поделать... Эти юнцы врубили реверс... И тут появляется, дабы разобраться, что тут за шум, сам Синий Динозавр и принимается швырять в этих неучей свои магнитные спирали... Те сперва отступают, а потом у него кончается заряд

и он останавливается. Тут-то легавые Нова и надели на всех нас антибиотиковые наручники.

Соседи в аквалангах

Ездил я с Достойным Джоном насчет «Угольного Дельца»... Воровство с участием шайки покупателей... А об афере этой он услышал по радио... Вот он прошлой весной и принимается расписывать Ограду «Д»... И в захолустье обсирается воздушными струями... Десять секунд простоя, кончился наш углекислый газ, и по этому поводу мы начали кашлять и задыхаться под пальмой в кадке, в вестибюле...

– Медлить не приходится, ясно? Надо выпутываться из «Мошенничества с Рыбным ядом».

– Понял... Если не зевать, никто...

Снова переместившись в Южную Америку, врываемся мы в этот городишко, и нас тут же нагрел этот гнусный Джон... Он-то своего не упустит... Сжег во мне три тысячи лет игрой в полицейских и воров... Короче, собирается толпа лохов в вирусе, они вот-вот растворятся, и все шито-крыто... Ассимилируем бриллианты, сапфиры и изумруды – один за другим... И тут меня окружает чуть ли не полсотни молоко-сосов... А у него только Сэмми с ребятами... Одна доза... Врубили реверс... Передвижная лавочка закрывается, а так я работать не могу... Джон устроил мне лечение... Нагасаки в кислоте на стенах постепенно исчез под каучуковыми деревьями... Джон может пешком дотянуть обратную связь до 1910 года... Мы были не прочь купить и с осадком... Запа-

стись им на воротничках в китайской прачечной...

– Но что за душный телесный пансион...

Убаюкивает старых комедиантов... Словно Клеопатра ядовитого гада, вешает на вас дело Нова...

– Спиртное?.. Я его не люблю... Пустые карманы в истертом металле... Чуешь?

Но Джон говорит:

– Со времен космической аферы копы на тебя вечно страху нагоняют... Старая мумия увешана...

Тяжело и невозмутимо держится за прохладное кожаное кресло... Разглаживает редкие усики... Я остановился перед зеркалом... Еще краше в накрахмаленном воротничке... Это соседи в аквалангах с бесплатным завтраком повсюду распевают «Шестнадцатилетнюю милашку»... Я пошел без Иззи Громилы...

– *Эй, наших бьют!*

Как раз добрался до китайской прачечной... Узкоглазого у входа-то я и забыл... Словесная доза выводит из личинки Синего Динозавра... Я прочел ее магнитно задом наперед... Единственный способ сориентироваться... В поездках с узкоглазым малышом Джон настроил глотку так, словно уже сделана запись... «Каменное Чтение» – так называем мы это в отрасли... Пока вы ждете, он уже упаковывает вещи в Риме... Я проверил водолазный костюм, как и каждую ночь... Там, на высоком пьедестале, разыгрываю этот чудовищный спектакль... В кислоте на стенах... Хоть часы сверяй... Сло-

вом, попадаются нам двадцать улепетывающих через боковое окно простаков и воротнички...

– Но что в Сент-Луисе?

Всплывает картина памяти... И мы в качестве старых комедиантов потрошим серебряные гарнитуры, банки и клубы... В ту ночь, когда мы уходим, на вас вешают Дело Нова... Мне как-то не по себе... Что-то убирается в прачечной, и моя плоть это чувствует...

Но Джон говорит:

– Днем после дельца копы вечно страху нагоняют... Обычное дело после грабежа...

Мы ни при чем, обчищаем себе карманы... Но один раз все идет наперекосяк... шоу-бизнес... Мы никак не можем отыскать поэтов и разглаживаем редкие кадры, а плоть не действует... Вот мы и остались без связи, точно севшие на мель идиоты... По-моему, нам подложила свинью собственная хворь... Они нас взяли... Старые мумии на поезде с джанковым топливом... Нагрязнела тающая плоть в аквалангах... Во всю глотку ору с подъемного крана...

– *Эй, наших бьют!*

Вспыхивают три серебристые цифры... А про мадридские улицы-то я и забыл... И, ясное дело, подкачиваю ему немного воздуха, а он сказал:

– *Que tal, Henrique?*

Я стою и качаю ему воздух в невидимую дверь... Врываемся мы в городишко, и тут же сексуально возбуждающая

мазь...

– Док очумел тут, Джон... Что-то не так... Слишком много испанского.

– Что? Это – зеленое море? Зеленый театр?..

Так что мы потрошим простаков и в качестве старых комедиантов арендуем домик... И смываем с этого прохладного чистого китайского героина налет шоу-бизнеса... А Джон приступает к полноценному зеленому ритуалу и устраивает волокнистый серый амфитеатр в старой репе... А про тяжелое синее безмолвие-то я и забыл... Угольный Малыш прибегает к помощи холодного жидкого металла и бежит подкачивать ему немного воздуха в голубой дымке испарившихся киношлемов... Металлическим джанки не подфартило... Ребятишки пересеклись с Полицией Нова... Мы всего лишь поток пыли с размагниченных моделей... Шоу-бизнес... Календарь в веймарских юношах... Поблекшие поэты в безмолвном амфитеатре... В этом воздухе исчезла его тюрьма... Щелкаем Сент-Луис под гонимой ветром сажей... Вот я и думаю: может, я был в старой клинике... Неподалеку от Восточного Сент-Луиса... За пару зелененьких в неделю краше не бывает... А про «Мамашу»-то я и забыл... А вы бы?.. Док Бенвей и Угольный Малыш устраивают в Далласе заварушку, и все из-за этого насоса – очумели от эфира и подмешали киношлемы...

– Он ушел через весь город, и тут же позади магнитофоны с его голосом, Джон... Что-то не так... Могу я задать бес-

цветный вопрос???

– Порядок... Главное – у меня есть тишина... Словесная пыль оседает три тысячи лет сквозь старый голубой календарь...

– Уильям, *no me hagas caso*³... Люди, которые сказали мне, что я могу на тебя настучать, сами раскалываются как мишеньки... – сказал Уильяму «Прощай» и «Если не зевать», а я услышал, как он врывается в этот городишко, и тут же захлопнул дверь, когда увидел Джона... Что-то не так... Невидимый гостиничный номер, только и всего... У меня был только нож, а он сказал:

– Ну и жарница – это Легавые Нова прорвались сквозь швы... словно три тысячи лет в раскаленных клешнях у окна...

А ми-истер Уильям в Тетуане и говорит:

– У меня есть штуковина, безопасная и жутко хитроумная... Эти бесцветные листы – и есть воздушный насос, а я вижу плоть, только когда она приобретает цвет... Написанное содержит некую идею, которая движет всякой плотью...

А я сказал:

– Уильям, *tu es loco*⁴... Врубил реверс... *No me hagas*, пока ты ждешь...

Кухонный нож в сердце... Чует... Ушел... Врубил реверс... Место бесполезное... *No bueno*... Он упаковывает

³ Это не мое дело (*исп.*).

⁴ Ты сумасшедший (*исп.*).

caso... Уильям, tu hagas вчерашний вызов... Эти бесцветные
листы пусты... Можете искать где угодно... Бесплезно...
No bueno... Adis, ми-истер Уильям...

Мошенничество с рыбным ядом

Ездил я с компанией «Достоинство инкорпорейтед» и с участием шайки «покупателей» проверял продавцов на предмет воровства... Там были две пизды средних лет, у одной была чау-чау, которая скулила и тьякала в коконе из черных свитеров, и еще Боб Шефер, Главварь Шайки – американский фашист с рузвельтовскими шуточками... Дело происходит в Айове, по автомобильному радио передают одну вещицу: «Весной в ограде застряла старая свинья»... А Шефер говорит: «Бог ты мой, будто и не уезжали из захолустья». Той ночью остановились в Плезантвиле, покрышки наши спустили, а во время войны у нас не было на этот случай шинного пайка... А Боб напился и в придорожной закуской у реки показал местным жителям свою бляху... А я наткнулся на Матроса под пальмой в кадке, в вестибюле... Мы охмурили местных коновалов с помощью «мошенничества с рыбным ядом»... «У меня есть ядовитые рыбы, док, их привезли из Южной Америки в цистерне, я ихтиолог, а после того, как меня ужалила эта гнусная кандиру... Точно кровь подожгли, а то как же! Вот, доктор, опять начинается...» А Матрос разыгрывает свою сцену Раскаленной Добела Агонии и гоняется за доктором по всему кабинету, точно реактивный паяльник. Он-то своего не упустит... Но коновалов обобрал подчистую... И вот, когда мы с Бобом, как говорят эти ста-

рые пизды, «схватили добычу» и арестовали одного угрюмого приказчика, по локоть запустившего руку в карман фирмы, то принялись по очереди разыгрывать крутого копа и копа-мошенника... А мне попадается один плезантвильский коновал, и я ему говорю, что подхватил венерианский вирус и того и гляди растворюсь в ядовитых соках и ассимилирую прохожих, если не буду принимать свое лекарство, причем регулярно... Словом, попадается мне этот старый хрыч – воняет, как навозная куча, потихоньку выделяющая пар, и рычит на меня:

– *С вами-то* что стряслось?

– Венерианская Шелудивость, доктор.

– Послушайте, молодой человек, я слишком ценю своё время...

– Доктор, неужели вы откажете больному в неотложной помощи?

Хоть и старое дерьмо, но добрый... Вышел я в отрубке...

– У него была только одна доза, Матрос.

– Да ты нагружился... Ты ассимилировал коновала... Бросил меня на ломках...

– Да. Он был старый и непробиваемый, но не такой уж и непробиваемый для Едких Ферментов Вкрадчивости.

Матрос иссяк, а аптека закрывалась, вот я и испугался, что его плотское возбуждение помешает моим лечебным процедурам... Следующий коновал на одной стороне выписал пару бочек эротогенной кислоты, а на другой – Печи

Нагасаки... И мы отключились под каучуковыми деревьями, вытянув ноги на длинную красную ковровую дорожку, обратной связью уходящую в 1910 год... Назавтра мы были не прочь купить это и в аптеке... Или запастись в китайской прачечной черным дымом... который заносится ветром в душные пансионы, тотализаторные залы и перечные забегаловки... Рухнул на унылую плоть, ничтожную и напыщенную, в театральном пансионе, дряхлый актеришка укрепляет жгут и пронзает вену, словно Клеопатра ядовитым гадом... Пробираемся назад мимо серых невозмутимых мелких жуликов... призраков пьяного сна, шарящих по карманам алкашей... Пустые карманы в истертом металле рассветной подземки...

Я очнулся в вестибюле отеля – запах тяжелый и устойчивый, – держа чужое тело в форме кожаного кресла... Я был болен, но не на ломках... Это была тяга к черному дыму... Матрос еще спал, редкие усики его молодили... Я разбудил его, и он огляделся с неторопливой гидравлической сдержанностью, глаза бесстрастные, непроницаемые...

– Выйдем на улицу... Я иссяк...

Я увидел, что и впрямь совсем иссяк, когда остановился перед зеркальной стеной вправить узел галстука в накрахмаленный воротничок... По соседству было полно перечных забегаловок и дешевых салунов с бесплатным завтраком и грузными невозмутимыми буфетчиками, мурлыкающими «Шестнадцатилетнюю милашку»... Я шел без всяких

мыслей, точно понукаемая лошадь, и добрался до Китайской Прачечной, что возле Массажного Салона Клары... Мы проникли внутрь, а узкоглазый у входа судорожно мигнул и снова принялся гладить манишку... Мы миновали дверь и занавеску, и черный дым заставил наши легкие отплясывать Джанки-Джигу, потом мы запаслись джанковым терпением, а китаец приготовил нам таблетки и вручил трубку... После шести трубок мы курим уже не торопясь и заказываем чайк, узкоглазый малыш выходит его заварить, и в моей глотке вылупляются слова, словно там уже сделана запись, и я читал их задом наперед... «Чтение с губ» – так называем мы это в отрасли, единственный способ сориентироваться, когда находишься в Риме...

– Я проверил этого козла-полицейского... Каждую ночь, в 2.20, он приходит в «Максорли» и принуждает местного педераста разыгрывать этот чудовищный спектакль на собственной персоне... Так регулярно, хоть часы сверяй: «Нет... Нет... Больше не могу... Хлюп... Хлюп... Хлюп».

– Значит, у нас есть по крайней мере двадцать минут, чтобы влезть и вылезти в боковое окно, а ровно через восемь часов мы будем в Сент-Луисе, и только тогда они спохватятся... По дороге навестим Семью...

Всплывают картины памяти... Голубой Мальчик и все тяжелые серебряные гарнитуры, банки и клубы... Мрачный холодный взгляд манипулирует стальными и нефтяными акциями... В Сент-Луисе у меня богатая семья... Дело было на-

значено на ту ночь... Когда мы уходили, я облапал японочку, убирающую в прачечной, моя плоть поползла под джанком, и я договорился вечером с ней встретиться... Недурно перед дельцем заняться сексом... После грабежа может произойти сексуальное перенапряжение влажного сна, особенно если все идет наперекосяк... (Как-то в Пеории мы с Матросом грабили аптеку и никак не могли подобрать отмычку к шкафчику с наркотой – а фонарик погас, да еще и козел этот рыщет поблизости, и поплыли мы по Сексуальному Течению, глупо хихикая, точно севшие на мель идиоты... Ну а копы гнусно радуются нашей хвори, они нас взяли и отвезли на вокзал, и мы садимся в поезд, дрожа и пылая без джанкового топлива, и вагон постепенно пропитывается теплыми растительными запахами тающей плоти и мочи... Никто не мог смотреть, как мы испаряемся, точно две навозные кучи...) Я пробудился от чуткого сна на ломках, когда вошла японочка... В голове у меня вспыхнули три серебристые цифры... Я вышел на мадридские улицы и выиграл в футбольном тотализаторе... Почувствовал латиноамериканскую душу, чистую и банальную, как солнечный свет, встретил у футбольной таблицы Пако, и он сказал: «Que tal, Henrique?»

И я отправился навестить своего amigo⁵, который опять стал употреблять medicina, а у него не было для меня денег, он ничего не хотел делать, кроме как употреблять все боль-

⁵ Друг (исп.).

ше medicina, он стоял и ждал, когда я уйду, чтобы принять еще, хотя клялся, что не собирается больше принимать, вот я и говорю: «Уильям, по me hagas caso». А вечером встретил в «Mag Chica» кубинца, который сказал, что я мог бы работать в его ансамбле... На следующий день я распрощался с Уильямом, и там некому было слушать, а я, закрывая дверь, услышал, как он тянется к своим medicina и шприцам... Когда я увидел нож, я понял, что на ми-истере Уильяме, как и на любом другом человеке, маска смерти... Pues, в каком-то гостиничном номере я увидел El Hombre Invisible⁶, попытался достать его ножом, а он говорит: «Если ты меня убьешь, этот гроб расплзется по швам, точно сгнившая нательная рубаха»... И я увидел уродливого краба с раскаленными клешнями у окна, а ми-истер Уильям принял какое-то белое medicina и наблевал в уборной, и мы сбежали в Грецию с парнишкой примерно моих лет, который то и дело называл ми-истера Уильяма «Бестолковым Американцем»... А ми-истер Уильям сделался похож на гипнотизера, которого я однажды видел в Тетуане, и говорит: «У меня есть штуковина, с помощью которой можно облапошить Краба, только больно уж она хитроумная»... А мы не смогли прочесть, что он там пишет на прозрачных листах... В Париже он показывал мне Человека, который в воздухе рисует на этих листах картины... А Человек-Невидимка сказал:

– Эти бесцветные листы и есть то, из чего сделана плоть...

⁶ Человек-Невидимка (исп.).

Становятся плотью, когда приобретают цвет и письмена...

Короче, Слово и Образ содержат идею, то есть на бесцветных листах предопределяется путь всякой плоти. А я сказал:

– Уильям, tu res loco.

Бесполезно... no bueno

Так много лет... тот образ... встал и раскумарился на предрассветных ломках... No me hagas caso... Опять он так коснулся... запах пыли... Навернулись слезы... В Мексике он коснулся вновь... Холодный весенний ветер унес стертые в порошок кодеиновые пилюли... Дыры, прожженные сигаретами, в многочисленной Предметной Полиции... Не смог предоставить никакой информации, только уносимую ветром личность... вырождающуюся... «Мистер Мартин» не смог достать, только и всего... Хлебный нож в сердце... Тень отключила свет и воду... Мы пересекаемся на голых стенах... Ищем повсюду... Бесполезно... Вваливаемся в темную мятежную дверь... Мертвая Рука вытягивает ноль... Пять палок пыли поставили мы, все живые и мертвые... Молодая форма уехала в Мадрид... Демерол при свечах... Поверните стрелку... Последний Электрик, чтобы постучать в окно... Прибытие переселенцев... Яд мертвого солнца исчез и прислал бумаги... Парм через флейты Рамадана... Мертвое ворчание в собачьем космосе... Дыра, прожженная сигаретой, во тьме... никакой информации, только холодное весеннее кладбище... Матрос сгнил в коридорах той больницы... Предметная Полиция хранит все доклады Правления, только и всего... Хлебный нож в сердце предлагает оценку бедствия... Он просто сел на «мистера Мартина»... Не смог

достать плотью Ниньо Пердидо... Долго меж флейтами Рамадана... «No me hagas caso» скользит меж светом и тенью...

– Американец тащится через раненые галактики con su medicina⁷, Уильям.

Половина вашего мозга, постепенно увядающего... Отключили свет и воду... Не смог достать плотью... опустевшие стены... Ищем повсюду... Замер в пути и вижу мистера Брэдли мистера Нуля... Да и слепцы не могут отказать в картах моей крови, кого я сотворил... «Мистер Брэдли мистер Мартин», неужели трудно написать нам получше?.. Исчезли... Ищите где угодно... Бесполезно... No bueno...

Я харкаю кровью в тенях скользящих грифов... В «Меркадо Майориста» увидел заезжего типа... Некий мистер мариканский fruto⁸, пьющий писко... пригвоздил меня взглядом так, что я сажусь и пью, и рассказываю ему о том, как живу под горой, в лачуге, крытой жестью, придавленной камнями, и как ненавижу своих братьев за то что они едят... Он говорит что-то про malo viento⁹ и смеется, а я знал одну гостиницу и пошел с ним туда... Утром он говорит, что я парень честный и он возьмет меня с собой в Пукальпу, он едет в джунгли искать змей и пауков, сфотографировать их, а снимки взять с собой в Вашингтон, вечно они что-нибудь увозят, даже если это всего лишь паукообразная обезьяна,

⁷ Вместе со своими лекарствами (*исп.*).

⁸ Фрукт, гомосексуалист (*исп.*).

⁹ Нездоровый ветер (*исп.*).

которая харкает кровью, как и почти все мы здесь, зимой, когда туман опускается с гор и прямо липнет к одежде и к легким, и все кашляют и харкают кровавым туманом на грязный земляной пол, где я сплю... На другой день садимся в автобус до Михто, к ночи мы уже в снежных горах, и ми-истер достает бутылочку писко, водитель напивается и гонит через сельву, и за три дня мы добираемся до Пукальпы... Ми-истер отыскивает одного колдуна, платит ему, тот готовит айухкаску, я тоже немного принимаю, и *muu mareado*¹⁰... Потом я снова очутился в Лиме и сам не знаю, где еще, и увидел ми-истера ребенком, в комнате с розовыми обоями, он смотрел на то, чего я никак не мог разглядеть... В глотке у меня был привкус ростбифа, индейки и мороженого, и до меня дошло: то, чего я никак не мог разглядеть, всегда было там, в коридоре... А ми-истер смотрел на меня, и я разглядел в его глотке слова уличного мальчишки... Назавтра за нами в отель явилась полиция, а ми-истер показал им письма к Команданте, вот они и пожали друг другу руки и ушли завтракать, а я сел на автобус и уехал в Лиму с деньгами, что он дал мне на снаряжение...

¹⁰ Голова кругом (*исп.*).

Устранить координатные точки

К9 вел бой с чужим экраном разума... Магнитные клешни нащупывали вирусные перфокарты... затягивали его в немыслимую круговерть...

«Назад... Держитесь от этих клешней подальше... Устранить координатные точки...»

На Ратушной площади длительная остановка – красный свет... Перед киоском с горячими сосисками стоял парень и сдувал с лица капли воды... Ветер приносил сквозь винные пары и каштановые волосы ключья серых испарений, а на пожелтевшем гостиничном фото была видна медная кровать... Неведомое утро развеяло дождь в паутину тумана... Летний вечер нащупывает путь в комнату с розовыми обоями... На рассветных ломках – шелест часовых стрелок и каштановых волос... Утро развеяло дождь на медно-красных крышах в ленивую дымку яблоневого цвета... Летний свет на розовых обоях... Серо-стальные столовые горы, освещенные розовым вулканом... Снежные склоны под северным сиянием... Неведомая улица смешивает джанковые шорхи рассветных ломок... Вдали – флейты Рамадана... Огни Сент-Луиса увлажняют бульжную мостовую будущей жизни... Провалился сквозь писсуар и велосипедные гонки... На стене бара стрелки часов... Моя смерть пробежала по его лицу и растворилась в футбольных результатах... запах пыли

на запасных армейских одеялах... Жесткие джинсы на фоне стены... А Кики по-кошачьи удалился... Некая чистая рубаха – и вышел... Он ушел в невидимое, утро развеяло... «Бесполезно... Но bueno... Сам тусуюсь...» Такие вот вспышки мудрости...

К9 вернулся в район боевых действий... Перебравшись в юного китайца, отправил оборонительное донесение, с подпрыгиванием и шелканьем проскочившее сквозь бильярд-автомат... Вражеские планы рухнули во взрыве скоростных расчетов... Щелчки в перфокартах переадресованных приказов... Треск коротковолновых помех... Трраа-ахх... Грохот мыслящего металла...

«Вызываю партизан всех наций... Гибнет слово... Гибнет фото... Ворваться в Серую Комнату... Улицы подчиняются бильярду... Очистить входы и выходы... Устранить координатные точки...»

– Билет, который лопнул, оставил мало времени, поэтому желаю «доброй ночи»... Ключья серого испанского гриппа не станут фото... Освети ветер зеленым неонам... Ты под надзором пса... Улица развеяла дождь... Если тебе захотелось чашку чая с розовыми обоями... Пес поворачивается... Так много и та-а-а-ак...

– Постепенно я составляю фотокарту... Световую поэму раненых галактик я сотворил под надзором пса... Улица развеяла дождь... Пес поворачивается... Воюющая голова пересеклась с державами... Гибнет слово... Гибнет фото... Во-

рваться в Серую Комнату...

Он ушел сквозь незримые утренние часы, оставив позади миллион магнитофонных записей своего голоса, растворился в холодном весеннем воздухе, задав бесцветный вопрос?

«Тишина, тяжелая и синяя, опустилась на горные селения... Пульсирующая неорганическая тишина, будто словесная пыль, оседает с размагниченных моделей... Вошел сквозь старый голубой календарь в веймарского юношу... Пожелтевшее фото на розовых обоях под медно-красной крышей... В предрассветной тишине серые человечки порезвились в его тюрьме и ушли в невидимую дверь... Щелкаем Сент-Луис под гонимой ветром сажей старых газет... «Долгоножка» напоминал Дядю Сэма на ходулях, он держал неподалеку от Сент-Луиса остеопатическую клинику и заманил туда за два доллара в неделю несколько джанковых больных, они могли сколько угодно отрубаться в зеленых шезлонгах и любоваться дубами и лужайкой, спускающейся к маленькому озеру в солнечных лучах, а сестра ходила по лужайке и разносила серебряные подносы с джанком... Мы звали ее «Мамашей»... А вы бы?.. Мы с Доком Бенвеем укрылись там после заварушки в Далласе, и все из-за этой сексуально возбуждающей мази, а Док очумел от эфира и подмешал слишком много шпанской мушки, вот он, недолго думая, и сжег член комиссара полиции... Короче, заявляемся мы к «Долгоножке» немного поостыть, а он сидит себе как ни в чем не бывало в темной комнате с фикусами в

кадках, и на столе серебряный поднос, где он любит держать недельный запас... Сестра проводила нас в комнату с розовыми обоями, там был колокольчик – звони в любое время дня и ночи, и тут же появляется сестра с наполненным шприцем... А как-то раз сидели мы на лужайке в шезлонгах, завернувшись в пледы, был осенний день, желтели деревья, и над озерцом светило неприветливое солнце... Док срывает пучок травы...

– Джанк превращает человека в растение... Зелень, видишь?.. Зеленая доза должна долго держать.

Мы выписались из клиники и сняли домик, Док принимается варганить свой зеленый джанк, и подвал уже битком набит баками, которые воняют, точно навозная куча наркоманов... Короче, в конце концов он получает эту густую зеленую жидкость и набирает ее в шприц размером с велосипедный насос...

– Теперь надо подыскать достойный сосуд, – сказал он, и мы заарканиваем одного старого любителя чумовых колес, говорим ему, что это чистейший китайский героин времен династии Лин, и Док двигает ему прямо в вену целую пинту зелени, Желтая Шкура делается волокнистой и вянет, точно старая репа, а я и говорю:

– Лично я сматываюсь.

А Док отвечает:

– Сосуд явно недостойный... Кроме того, я уже решил, что джанк не зеленого цвета, а голубого.

Вот он и закупает уйму трубок и шаров, и они мерцают в подвале, целая батарея трубок, металлические испарения, ртуть и пульсирующие голубые сферы, и запах озона, и коротенькая блюзовая нота высшего класса – раскумаривает до состояния металла, эта джанковая нота со звоном проносится сквозь ваши кристаллы, и с лязгом падает тяжелое синее безмолвие... и все слова превратились в холодный жидкий металл и утекли прочь, а ты себе принимаешь дозу в прохладной голубой дымке испарившихся банкнот... Потом мы выяснили, что все металлические джанки радиоактивны и могут взорваться, если двое из них войдут между собой в контакт... В этой точке наших исследований мы и пересеклись с Полицией Нова...»

Китайская прачечная

Когда молодой Сазерленд попросил меня помочь ему получить офицерский чин в полиции Нова, я в шутку ответил:

– Возьми Уинкхорста, специалиста-химика из фармацевтической компании «Лазарь», и мы это дело обсудим.

– Этот Уинкхорст – преступник Нова?

– Нет, просто техник-сержант, которого надо допросить.

Разумеется, я считал, что он ничего не знает о методах, с помощью которых подобные люди задерживаются для допроса... Это ювелирная операция... Сначала мы высылаем группу агентов... (как правило, под видом журналистов)... для контакта с Уинкхорстом и подвергаем его воздействию целого набора стимулирующих средств... Контактирующие агенты заводят разговор и записывают ответ на всех уровнях, вплоть до словесных единиц, а фотограф делает снимки... Этот материал передается в Отдел искусства... Писатели описывают «Уинкхорста», художники рисуют «Уинкхорста», актер по системе Станиславского *становится* «Уинкхорстом», а затем «Уинкхорст» отвечает на наши вопросы... Обработка Уинкхорста уже велась...

Через несколько дней раздался стук в дверь... На пороге стоял молодой Сазерленд, а рядом с ним – человек в пальто с поднятым воротником, так что видны были только горящие гневным протестом глаза... Я заметил, что рукава пальто пу-

сты...

– Я надел на него смирительную рубашку, – сказал Сазерленд, вталкивая человека в комнату... – Это Уинкхорст.

Я увидел, что воротник был поднят, чтобы скрыть кляп...

– Но... Ты меня не так понял... Не до такой же степени...

То есть, конечно...

– Вы сказали взять Уинкхорста, разве не так?

Соображал я быстро:

– Хорошо... Вынь кляп и сними смирительную рубашку.

– А он не станет звать легавых?..

– Не станет.

Когда он снял смирительную рубашку, мне вспомнилась картина старого сна... Этот процесс известен как ретро-активное сновидение... Разыгранное четко и со знанием дела, оно становится свершившимся фактом... Даже если Уинкхорст поднимет крик, никто его не услышит... В мое прошлое вторгается обратная сторона мирового зеркала... Стеклопанная стена, значит... Уинкхорст не пытался кричать... С каменным лицом он сел... Я попросил Сазерленда оставить нас, пообещав дать его прощению законный ход...

– Я пришел за оплатой по счету прачечной, – сказал Уинкхорст.

– Какую прачечную вы представляете?

– Китайскую прачечную.

– Счет будет оплачен законным порядком... Как вам известно, ничто так не запутано и не отнимает столько време-

ни, как оформление официальных распоряжений по поводу так называемых личных расходов... Вам известно и то, что оплачивать счета деньгами строго запрещено.

– Я уполномочен требовать оплаты... Это все, что мне известно... И могу я, наконец, спросить, почему я был вызван?

– Ну почему же вызван?.. Скажем так – приглашен... Так будет гуманнее... Дело в том, что мы проводим опрос, касающийся человека, с которым, полагаю, вы длительное время близки, а именно – мистера Уинкхорста из фармацевтической компании «Лазарь»... Мы беседуем с друзьями, родственниками, коллегами, чтобы предсказать его шансы на переизбрание капитаном софтбольной¹¹ команды администраторов-химиков... Вам, разумеется, должно быть понятно, сколь важен этот вопрос в свете девиза компании: «Играть только в *мягкий мяч*», не так ли?.. Теперь, просто чтобы оживить нашу беседу, предположим, что вы и есть Уинкхорст, и я буду задавать вопросы прямо, договорились?.. Прекрасно, мистер Уинкхорст, не будем терять время... Нам известно, что вы – химик, ответственный за синтезирование новых галлюциногенных наркотиков, многие из которых пока еще не выпущены, даже с экспериментальными целями... Мы знаем и то, что вы произвели определенные молекулярные изменения в уже известных галлюциногенах, свободно

¹¹ Софтбол («мягкий мяч») – игра, напоминающая бейсбол, но с большим по размеру и более мягким мячом. «Играть в мяч» – сотрудничать с полицией (*жарг.*).

распространяемых во многих жилых кварталах... Каков же эффект этих изменений?.. Пожалуйста, пусть то, что я явно не обладаю специальными знаниями, не удерживает вас от полного ответа... Это не мое дело... Ваши ответы будут записаны и переданы для обработки в Технический отдел.

– Этот процесс известен как напряжение-деформация... Он происходит, или происходил, с применением циклотрона... Например, молекула мескалина подвергается воздействию циклотронного напряжения так, что деформируется энергетическое поле и некоторые молекулы становятся радиоактивными и приобретают способность к ядерному распаду... Обработанный таким образом мескалин... (известный как «препарат собачьего бешенства»)... вызовет в человеческом организме... э-э... неприятные и опасные симптомы, а главное – «тепловой синдром», который является рефлексией ядерного распада... Объекты жалуются на то, что они горят, что их заперли в душной печи, что в теле роятся раскаленные добела пчелы... Раскаленные пчелы – это, разумеется, деформированные молекулы мескалина... Я, конечно, излагаю упрощенно...

– Есть и другие технологические процессы?

– Разумеется, но всегда это вопрос деформации или ассоциации на молекулярном уровне... Другой процесс заключается в подвергании молекулы мескалина воздействию определенных вирусных культур... Вирус, как вам известно, это мельчайшая частица, которую можно легко ввести в молеку-

лярную цепочку... Такая ассоциация позволяет точнее оценить состояние любого, кто перенес вирусную инфекцию, например гепатит... С помощью такого препарата намного легче вызвать тепловой синдром.

– Можно ли дать этому процессу обратный ход? То есть можете ли вы обезвредить соединение, уже подвергнутое деформации?

– Это нелегко... Проще было бы забрать у распространителей наши товары и заменить их.

– А теперь я бы хотел спросить, могут ли существовать безопасные соединения... Могли бы вы, например, соединить на молекулярном уровне мескалин и апоморфин?

– Сначала нам пришлось бы синтезировать формулы апоморфина... Как вам известно, это запрещено.

– И это весьма разумно, не так ли, Уинкхорст?

– Да... Апоморфин борется с паразитной инвазией, стимулируя регулирующие центры, чтобы нормализовать обмен веществ... Сильнодействующая разновидность этого лекарства могла бы дезактивировать все словесные единицы и погрузить Землю в полное безмолвие, уничтожив при этом тепловой синдром.

– Вы могли бы это сделать, мистер Уинкхорст?

– Разумеется... Если я получу приказ... Хотя, в свете известных нам обоим фактов, это маловероятно.

– Вы имеете в виду намеченную дату Нова?

– Конечно.

– Вы убеждены, что это неизбежно, мистер Уинкхорст?

– Я видел формулы... В чудеса я не верю.

– В чем заключаются эти формулы, мистер Уинкхорст?

– Вопрос в уничтожении отходов... Того, что известно как уран, это относится ко всем подобным сырьевым ресурсам, которые на самом деле являются одной из форм экскрементов... Данная проблема удаления радиоактивных отходов в конечном счете неразрешима ни в одной временной вселенной.

– Но если мы дезинтегрируем словесные единицы, то есть выпарим резервуары, тогда взрыва не произойдет, поскольку не будет достигнут желаемый результат...

– Возможно... Я химик, а не пророк... Считается аксиомой, что формулы Нова не поддаются изменению, что однажды начатый процесс необратим... Вся энергия и все ассигнования сейчас направлены на планы спасения... Если вы заинтересованы, я уполномочен предложить эвакуацию... на временном уровне, разумеется.

– А взамен?

– Вы всего лишь отправите донесение о том, что на планете Земля нет никаких признаков деятельности Нова.

– То, что вы мне предлагаете, это ненадежное акваланговое существование в чужом затасканном кинофильме... Подобные люди сделали широкий разворот назад, к двадцатым годам... К тому же все это нелепо... Представьте, что я шлю словечко с Меркурия: «Климат прохладный и бодрящий...

Туземцы крайне дружелюбны...» или: «На Уране испытываешь легкость в членах и радостное чувство свободы»... Вот и доктор Бенвей рычал: «Так ты попросту прольешь свет на собственное участие в грязном деле Нова. Это же нелепо, все равно что: когда раскалывается яйцо, климат прохладный и бодрящий... или: Уран – это безграничная свобода»... Это же развалившийся старомодный розовый балаган 1917 года... Маленький унылый оросительный канал... Что же еще, если в порнофильмах показывают свидания с извивающимися паралитиками?.. Вы сулите мне акваланговые объедки... ненадежную плоть... замусоленный фильм, фиговый листок... Сортир провонял кишечным уличным мальчишкой.

– Я уполномочен сделать предложение, а не оценивать его законность.

– Предложение отклоняется... Так называемые офицеры этой планеты охвачены паникой и, нарядившись бабами, рвутся к первой спасательной шлюпке... Подобное поведение недостойно офицера, и эти люди освобождены от командования, которое они и без того наверняка считали невыносимым бременем... За все время моей службы в качестве офицера полиции я ни разу не видел такого откровенно бестолкового заговора... Банда Нова, которая здесь действует, – сплошь доходяги, где-нибудь в другом месте они не смогли бы даже прорвать цепь наших полицейских...

Это старый, испытанный подстрекательский способ выве-

сти преступника на чистую воду... Три тысячи лет в полиции, а он все еще действует... Уинкхорст постепенно исчезал в раскаленных спиралях крабовидной туманности... Какое-то мгновение я был охвачен паникой... потом не торопясь подошел к магнитофону...

– Теперь, если вы будете столь любезны, мистер Уинкхорст, я бы хотел, чтобы вы послушали эту музыку и описали мне свою реакцию... Мы используем эту музыку в рекламе апоморфинной программы... Итак, будьте добры, послушайте, окажите любезность... Мы думаем вставить здесь негромкого уличного мальчишку...

Я поставил барабанную музыку Гнаовы и повернулся, сверкнули оба орудия... Сплошь и рядом под многотонным напором вылетели серебристые иглы, он все так же хорош, как прежде, нанося мощные проникающие удары в барабанном ритме... На экране появился скорпион-контролер – голубые глаза, раскаленные добела фонтаны брызг из расплавленного ядра планеты, где в полдень плавится свинец, его тело наполовину скрыто галереей майяского храма... Комната пропиталась зловонием пыточных камер и опаленной плоти... Пленные взяты в кольцо под раскаленными добела небесами Минро, и их заживо пожирают металлические муравьи... Я держался на расстоянии, окружив его мощными проникающими световыми потоками, семьдесят тонн на квадратный дюйм... Команды стали громкими и четкими: «Взрыв... Удар... Огонь... Проникновение... *Смерть*»...

Экран раздвинулся... Я разглядел кодексы майя и египетские иероглифы... Пленные вопят в печах, разлагаясь на насекомовидные формы... Выполненный в натуральную величину портрет трупа без штанов, повешенного на телеграфном столбе и извергающего семя под раскаленным добела небом... Зловоние пытки, когда раскалывается яйцо... только на насекомовидные формы... Взятые в кольцо позвончики собирают грибовидных муравьев... Глаза лезут из орбит, повешен нагишом на телеграфном столбе юношеского образа...

Музыка перешла на флейты Пана, и я перебрался в отдаленные горные селения, где в крытых шифером домиках клубится голубая дымка... Местечко, где под вечной луной живут люди-лианы... Давление исчезло... Семьдесят тонн на квадратный дюйм внезапно улетучились... Сквозь безмятежную серую даль я увидел, как взрывается в зоне низкого давления скорпион-контролер... Яростные ветры, исхлестывающие черную равнину, развеяли кодексы и иероглифы по мусорным кучам Земли... (Молодой мексиканец, насвистывая мамбо, спускает брюки у глинобитной стены и подтирает задницу страницей Мадридского кодекса)... Местечко, где живут в песчаных бурях, оседлавших ветер, люди-пыль... *Ветер, ветер, ветер* в пыльных конторах и архивах... Ветер в кабинетах правлений и пыточных банках времени...

(«Зеленое обиталище людей-лиан погружается в полное безмолвие».)

Непререкаемый авторитет

Когда я вручил свой отчет Окружному Инспектору, тот пробежал его глазами и едва заметно улыбнулся...

– Они сбили вас с толку военным фильмом и, как водится, снабдили ложной информацией... Разумеется, вы неопытны... В зоне сплошь зеленые войска... Однако ваши неправомочные действия позволяют нам обойти некоторые препоны... Теперь мы с вашей помощью доберемся до истины...

В главную контору фирмы «Лазарь и К^о» вламывается полицейский патруль...

– А теперь, мистер Уинкхорст, и вы, уважаемые члены правления, нам нужен правдивый рассказ, и побыстрее, или вы предпочитаете беседовать с партизанами?

– Безмозглые тупицы.

– Информацию, и побыстрее... Некогда нам тут с вами церемониться.

ОИ стоял, полупрозрачно-серебристый, излучая мощную волну непререкаемого авторитета.

– Ладно... Мы будем говорить... Циклотрон воспроизводит образ... Это принцип микрофильма... все мельче и мельче, все больше образов в меньшем пространстве, образов, размалываемых циклотроном в кристаллики образной муки... Таким способом мы можем обработать всю ебучую планету и заткнуть ее себе в задницу в напальчнике... Наш

с вами образ хорош, как прежде... В *напальчнике*, уловили? Как говорится, всего лишь старые комедианты, упаковывающие свои горностаи...

– Кончайте балаган... Прошу продолжить показания.

– Конечно, конечно, но теперь вам понятно, почему мы уссывались со смеху, глядя, как эти недоумки забивают себе башку фотомонтажом... Это все равно что обстреливать танковый полк из дефективной рогатки.

– Предупреждаю в последний раз... Продолжайте свои показания.

– Конечно, конечно, но теперь вам понятно, почему мы так не доверяем тем недоумкам, что забивают себе башку развалившимся балаганом... Обстреливают танковый полк из санатория для дефективных 1917 года... Никогда не умел сдерживать похвальбу... Всего лишь старый комедиант...

(Он выступает с танцевально-песенным номером и утанцовывает за кулисы... Там его хватает коп 1890 года, который затем выносит на сцену куклу чревовещателя.)

– Это, господа, карлик смерти... Как видите, действует с помощью дистанционного управления... Привет от мистера и миссис С.

– Дайте мне дозу, – говорит карлик. – И я расскажу вам кое-что интересное.

Гидравлические железные руки услужливо протягивают поднос с фосфоресцирующей мукой желто-коричневого цвета, напоминающей размельченный янтарь... Карлик до-

стает из серебряной коробочки шприц и вкалывает щепотку муки в вену.

– Образы... миллионы образов... Вот чем я питаюсь... Циклотронное дерьмо... А *эту* привычку вы пробовали побороть с помощью апоморфина?.. Теперь я обладаю образами всех половых актов и пыток, которые когда-либо и где-либо происходили, и могу попросту все разнести, вы, подонки, теперь все в моей власти, до последней молекулы... Я обладаю оргазмами... обладаю воплями... Всеми образами, которые хоть раз высрал даже самый бездарный поэтишка... Я беру власть в свои руки... Я беру власть... Беру власть... – Он выступает с номером знахаря – с пеной у рта вращает глазами... – И еще я обладаю миллионами и миллионами и миллионами образов Меня, Меня, Меня, меееняя. – (Он вырубается... Внезапно он вновь оказывается в фокусе, орет и плюет в Уранового Уилли.) – Козел... Крыса... Натравил на меня легавых... Ладно... (Вырубается)... Мне конец, но ты все равно стукач паршивый...

– Адресуйте свои замечания мне, – сказал ОИ.

– Ну что ж, безмозглые шерифы... Я из всех вас приготовлю декортикированные препараты от бешенства... Вы ни за что не успеете вывести формулу апоморфина... Ни за что! Ни за что! Ни за что! – (С зубов его стекает едкая, раскаленная добела слюна... Комнату пропитывает запах фосфора)... – Люди-псы... – Он падает в изнеможении и рыдает... – Не возражаете, если я приму еще одну дозу?

– Разумеется... После того, как предоставите информацию, вы пройдете дезинтоксикацию.

– Он говорит, дезинтоксикацию... Боже мой, да посмотрите на меня.

– Прекрасно, сэр, к делу!

– Дерьмо... Урановое дерьмо... Вот чем питаются мои люди-псы... И я с удовольствием ткну их туда носом... Красота... Поэзия... Космос... К чему мне все это? Если я не получу образной дозы, то попаду в печи... Понятно?.. Высвобождаются все образы боли и ненависти... *Это* тебе понятно, кретин безмозглый? Мне конец, а твои глаза все лезут из орбит... Голые леденцы юношеского образа, Панама... Кто увидел все подругому?.. Из всех вас приготовлю декортикированную мандрагору.

– Не кажется ли вам, мистер С., что в ваших же интересах содействовать нашей работе с формулами апоморфина?

– Меня это не волнует... С таким привыканием, как у меня...

– Откуда вы знаете?.. Вы что, пробовали?

– Конечно, нет... Позволь я кому-нибудь разработать эти формулы, и он *свободен*, понятно?.. А если хоть один свободен, то я лишаюсь наркоты.

– И все-таки у вас нет выбора, мистер С.

И снова появился образ, дрожащий и расплывчатый, как старый фильм...

– У меня еще остались Доклады Правления... Я могу хоть

завтра вдребезги расколошматить планету... А ты, крысенок, кончишь взаперти в ледяных печах... Мы называем это Запеченной Аляской¹²... Без Запеченной Аляски мне растением не сделаться... Сколько угодно умников готовы вечно дожидаться Запеченной Аляски. – Из глаз карлика посыпались голубые искры... По комнате волной прокатилась вонь опаленной плоти... – Я все-таки для смеху разнесу планету на куски... Удовольствия высирает даже самый бездарный поэтишка... Подойдите поближе и взгляните на мои картинки... Покажу вам кое-что интересное... Подойдите поближе и посмотрите, как они колышутся в грязном белье... Мы с вами Садовые Мальчишки, так же хороши, как прежде... Привлекательные картинки начинают возникать в повешенном с коленями, прижатыми к подбородку... Знаете... Красота обнажена и все так же хороша... Член встает и брызжет белилами... Не пробовали его промежность, когда раскалывается яйцо?.. Теперь я обладаю всеми образами в текущем вспять времени... Порыжевшие черные брюки... В раздевалке трутся друг о друга болезненные подонки... Я обладаю воплями... Я видел... Пылающие небеса, идиот... Не возражаете, если я приму еще одну дозу?.. Джимми Шеффилд все так же хорош, как прежде... Плоть, комната в розовом балагане...

Молодой агент отворачивается и блюет.

– Труд полицейского не приносит удовольствия ни на од-

¹² «Запеченная Аляска» – торт-безе с мороженым.

ном уровне, – сказал ОИ. Он повернулся к Уинкхорсту: – Эта особая порода проливает свет на ваши грязные фармацевтические препараты... Уровень...

– Но кое-что из моей информации было полезным... Это действительно делается с помощью циклотрона... Но следующим образом... Допустим, я хочу разогреть мескалиновое соединение, для этого я закладываю в свой циклотрон ослепительно яркие фото из Хиросимы и Нагасаки и заштриховываю разогретую муку мескалином... Обнаружению не поддается... Все это весьма просто и шикарно... Красота обнажена, и все такое прочее... Или, допустим, я хочу испытать на мальчишке «Увлажненные Земли», для этого я закладываю в циклотрон образ его члена, который брызжет белилами на раскаленных добела задворках Минро.

Карлик смерти приоткрывает один глаз...

– Эй, легавый, иди-ка сюда... Хочу тебе еще кое-что рассказать... Мог бы и настучать... Говорят, здесь этим все занимаются... Слышал про черномазых? Откуда появились ниггеры?.. Мы называем это плотью путешествия... Лучше переносит транспортировку... И вот еще что... – Он вырубается.

– А апоморфинная формула, мистер Уинкхорст?

– Апоморфин – не слово и не образ... Было бы, разумеется, заблуждением говорить о вирусе тишины, или апоморфинном вирусе, поскольку апоморфин – антивирус... Апоморфинные... э-э... препараты должны выращиваться в пи-

тательной среде, содержащей окололетальные величины боли и наслаждения, которые концентрирует циклотрон... Подвирус стимулирует особую антивирусную группу... Когда в уцелевших препаратах устанавливается иммунитет... А многие не уцелеют... мы получаем формулы, необходимые для победы над вирусной властью... Вопрос всего лишь в осуществлении программы прививок за то крайне ограниченное время, которое еще осталось... Слово рождает образ, а образ – и *есть* вирус... Наша аппаратура в вашем распоряжении, господа, и я тоже в вашем распоряжении... Я, техник-сержант, могу работать на кого угодно... А эти офицеры даже не знают, на какую кнопку нажимать. – Он свирепо глядит на отключившегося карлика, чьи руки превращаются в ползучие растения... – Я не возвожу напраслину на декортированную репу... Позвольте мне только сказать, как сильно все ребята в конторе и в лаборатории ненавидят вас, вонючие дальнобойные жопы, пиздолизы, ублюдки из правления.

Техника ликвидации Вирусной Власти. «Господа, ранее предполагалось, что мы берем наш собственный образ и исследуем то, как можно сделать его более портативным. Мы обнаружили, что простые бинарные кодовые системы вполне могут вместить образ целиком, однако они требуют большого объема хранения; наконец, было установлено, что бинарная информация может быть записана на молекулярном уровне и весь наш образ сможет уместиться в зернышке или

в песчинке. Однако было обнаружено, что эти молекулы информации не являются мертвой материей, а проявляют способность к жизни, которая в другом месте существует в форме вируса. Наш вирус заражает человеческое существо и создает в нем наш образ.

Сначала мы взяли наш образ и ввели его в код. В особый код, разработанный специалистами по теории информации. Этот код был записан на молекулярном уровне, чтобы сэкономить занимаемый объем, и тогда оказалось, что вещество, из которого состоит образ, не является мертвой материей, а обнаруживает тот же жизненный цикл, что и вирус. Вирус, свободно выпущенный в мир, заразит все население и превратит их всех в копии нас самих, выпускать вирус на свободу небезопасно до тех пор, пока мы не убедимся, что ни одна из групп, намеченных для превращения в копии, ничего не заметит. С этой целью мы изобрели множество разнообразных форм – форм хранения содержащейся в молекуле информации, которые в конечном счете всегда являются видоизменениями существующих материалов. Информация ускоренная, замедленная, видоизмененная, трансформированная наудачу с помощью воздействия на вирусный материал лучей большой мощности в циклотронах, короче, мы создали на информационном уровне бесконечное множество видов, достаточно, чтобы навсегда занять так называемых ученых исследованием «природных богатств».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.